

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

В. А. Мазилев

Психология как фундаментальная наука: движение к цели

Работа выполнена при поддержке РГНФ грант 15–06–10716

Философия науки занимается исследованием науки как эпистемологического и социокультурного феномена. В статье анализируются особенности трактовки феномена науки в философии науки. Констатируется, что философия науки в качестве идеала принимает естественную науку. В результате оказывается, что при анализе науки психологии, которая рассматривается как социогуманитарная дисциплина, важные ее особенности оказываются вне поля внимания исследователей. В итоге в психологии данные анализа, предпринятого философией науки, оказываются невостребованными. В настоящее время мы являемся свидетелями того, что философия науки оказывает косвенное негативное влияние на положение в психологической науке. Некоторые положения философии науки, будучи распространяемы на науку «вообще», становятся мифами, препятствующими реализации позитивных тенденций. Отметим, что вред от мифов, основанных на вольно интерпретированных выводах из философии науки, заключается в следующем: представляется, что взаимопонимание между различными подходами и школами в принципе невозможно, а это реально препятствует осуществлению интеграционных процессов в психологической науке.

Ключевые слова: наука, философия науки, психология, методология, фундаментальная наука.

PSYCHOLOGY

V. A. Mazilov

Psychology as a Fundamental Science: Movement to the Purpose

Philosophy of science is engaged in research and science as an epistemological and sociocultural phenomenon. The article analyzes the features interpretations of science in philosophy of science. It is stated that philosophy of science as an ideal assumes science. The result is that the analysis of the science of psychology, which is regarded as a socio-humanitarian discipline, its important features are out of the researchers' attention. As a result, in psychology the analysis data undertaken by philosophy of science are not in demand. Nowadays we are witnessing the fact that philosophy of science has an indirect negative impact on the situation in the psychological science. Some ideas of Philosophy of Science, being poorly distributed to science «in general» are myths that hinder the realization of the positive trends. It should be noted that the damage from the myths, based on loosely interpreted findings of philosophy of science is in the following: it appears that the communication between the different approaches and schools is impossible in principle, and it really hinders the implementation of integration processes in the psychological science.

Keywords: science, philosophy of science, psychology, methodology, a basic science.

Философия науки, как хорошо известно, представляет собой философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; это специальная философская дисциплина, предметом которой является наука [1]. Термин «философия науки» (Wissenschaftstheorie) впервые появился в работе небезызвестного Евгения Дюринга «Логика и философия науки» (Лейпциг, 1878). Намерение Дюринга построить философию

науки как «не только преобразование, но и существенное расширение сферы логики» не было им реализовано, однако данная терминологическая новация оказалась весьма своевременной [1], поскольку позволяла номинировать тенденцию, набирающую силу. Проблематика философии науки (структура и развитие научного знания) восходит к Платону и Аристотелю. С формированием науки Нового времени философия науки в единстве с теорией познания становится важней-

шей областью философского исследования в работах Ф. Бэкона, Декарта, Лейбница, д'Аламбера, Дидро, Канта, Фихте, Гегеля, позже – Б. Больцано, который еще ограничивается фихтеанским термином «наукоучение» (*Wissenschaftslehre*) [1]. Состояние и значение современной философии науки определяется местом науки в обществе, в мировоззрении, а также набором ее внутренних, исторически сформированных понятий и проблем [1]. В качестве особого направления философия науки формируется в трудах У. Уэвелла, Дж. С. Милля, О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Гершеля. Ее возникновение ознаменовало собой отчетливую постановку нормативно-критической задачи – привести научно-познавательную деятельность в соответствие с некоторым методологическим идеалом [1].

В настоящей работе не может идти речь о философии науки в целом. Это задача совсем другой работы. В настоящем тексте будут обсуждаться некоторые современные тенденции взаимоотношений между философией науки и психологией. Заметим, что в разные временные промежутки отношения между психологией и философией науки были отчетливо различны: И. Г. Фихте, к примеру, психологию откровенно не любил, тогда как Дж. С. Милль всю свою «Систему логики» (1843) мыслил всего лишь как введение к VI книге этого труда «Логика нравственных наук» и попутно обосновывал необходимость существования психологии как отдельной науки...

Поэтому расхождение или сближение психологии и философии науки не должно удивлять. Как часто бывает, трагизм ситуации, выраженный в заголовке статьи, несколько преувеличен: и философия науки, и психология себя прекрасно чувствуют. И относится этот трагизм лишь к последним этапам их существования. И представляется, что от этого нарушения взаимопонимания философия науки теряет больше, так как упускает (надеюсь, пока) возможность проанализировать уникальную ситуацию грядущего интенсивного развития психологической науки и становления ее подлинно фундаментальной наукой.

Наша задача – попытаться понять, почему так получилось.

Обратимся к некоторым принципиальным установкам философии науки:

1. Философия науки исходит из того, что за образец науки принимает концепции естественных наук. Здесь, впрочем, мы не видим ничего нового и оригинального. Естественно-научное знание считается наиболее развитым, совершенным, и

невяно эта модель принимается за общую – науки в целом. Подавляющее большинство исследований в философии науки выполнено на основе физики, астрономии, химии, биологии и т. д.¹ Констатируем, что Большая философия науки (философское направление, которое избирает своей основной проблематикой науку как эпистемологический и социокультурный феномен; напомним, это специальная философская дисциплина, предметом которой является наука) исходит из приоритета естественных наук, которые и являются образцом науки в целом.

2. Философия науки исходит из того, что естественные науки *сложны*. В качестве демонстрации обычно предлагается осмыслить известный феномен корпускулярно-волнового дуализма и принцип дополнительности Н. Бора. Никто не будет спорить – это сложно. Но с другой стороны полезно обратить внимание, что в случае психологии ситуация не только не проще, чем в физике, но во многом сложнее. Поясним это, поскольку часто сложность психологического исследования в полной мере не осознается.

Итак, полезно помнить, что человек, участвующий в психологическом исследовании в качестве испытуемого, обладает сознанием. Следовательно, он имеет возможность рефлексии, поэтому исследование – это не только «субъект-субъектное» взаимодействие, но и, возможно, рефлексивная игра. Была бы мотивация. Отметим, что эта ситуация хорошо описана и проанализирована в научной фантастике. Однако хорошо известно, что человек, будучи сознательным существом, очень часто поступает нерационально. Причем это явно закономерность. До такой степени, что ученые, осознавшие этот факт и проанализировавшие причины такого поведения человека, заслуженно получили Нобелевскую премию. Но относительно сложности психологии перечисление осложняющих обстоятельств только начинается. Известно со времен З. Фрейда, что между сознанием и бессознательным существуют сложные отношения, причем часто поведение определяется в конечном счете отнюдь не сознанием. И, опять же, существуют защитные механизмы, модифицирующие поведение индивида... Со времен К. Юнга хорошо известно, что сознательные тенденции обязательно компенсируются неосознаваемыми... К тому же Э. Берном прекрасно показано, что один и тот же человек может находиться в различных субъективных состояниях и, что тоже важно, переходить из одного в другое.

Кажется, ясно, что в психологии дело обстоит более сложно, чем в естественных науках, можно не продолжать. Мы и не станем продолжать, только обратим внимание, что принципиально иначе обстоит дело в психологии и с детерминацией: психические явления зависимы и от наследственных генетических программ, и от средовых воздействий, от социокультурных влияний, модифицируются с помощью определенных химических веществ и т. п. Иными словами: психическое значительно сложнее, имеет куда большее количество степеней свободы. Объект и предмет психологии много сложнее, чем в естественной науке. Поэтому в высшей степени странно, что эти обстоятельства философией науки, по сути, не учитываются. Во всяком случае отметим, что предлагать упрощенный подход к сложным объектам не только наивно, но и предвзято (не случайно народная мудрость отмечает, что такая простота часто оказывается хуже иного криминала). Не случайно К. Юнг многократно подчеркивал, что время глобальных теорий еще не наступило. «Мир психических явлений есть лишь часть мира в целом, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаваем, чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что душа является единственным непосредственным явлением мира, а следовательно, и необходимым условием всего мирового опыта» [19, с. 12].

3. Философия науки и само развитие науки определяет весьма специфически. Двадцатый век прошел в полемике между сторонниками кумулятивной модели развития и ее противниками. Действительно, было показано, что в науке имеют место перерывы постепенности, скачки, научные революции. Отметим, что вопрос о кумулятивизме достаточно сложен. Представляется, что в пылу дискуссий позиции противоборствующих сторон оказались, чего и следовало ожидать, полемически заостренными. Наверное, ни в какой области знания нет абсолютного кумулятивизма, где новые данные лишь спокойно наслаивались бы и дополняли бы друг друга, равно как трудно себе представить науку, в которой наблюдаются исключительно революции и перманентные перерывы постепенности. Но мы должны хорошо представлять себе *характер* накопления данных в той или иной науке. Опять же отметим, что наличие научных революций в некоторых науках не означает того, что в других науках дело обстоит так же. Короче говоря, ситуация классическая: не-

оправданные обобщения, которые делаются при отсутствии специальной проверки.

Между тем, представляется, что определить *характер* накопления данных в той или иной науке не так уж сложно. Достаточно обратиться к истории соответствующей научной дисциплины. Элементарный анализ состояния последней – явление того, чем она на самом деле, по сути, является: архивом, отражающим прошедшее научной дисциплины, либо действующим арсеналом, собранием методов, нацеленных на решение определенных задач. Как нам представляется, можно использовать универсальный тест. Тест состоит в том, что мы оцениваем историю той или иной науки, ее состояние, ее статус для того, чтобы оценить характер развития самой науки. Очевидно, что у «более революционной» и «более кумулятивной» будут существенно различные характеристики.

Итак, если мы возьмем историю психологии, то обнаружим, что там нет не только правильных или неправильных концепций, но даже в более мягком варианте более правильных или менее правильных. Более ранние концепции не являются менее адекватными, чем более поздние. В истории психологии зафиксированы подходы, которые до сих пор актуальны и используются в науке. Иными словами, концепции Фрейда, Адлера и Юнга, к примеру, до сего дня с успехом применяются и в науке, и на практике, имеют научную ценность. Становится понятно, что обилие подходов и теорий, объясняющих одно и то же явление, порождается сложностью, многоаспектностью и многоуровневостью, множественностью числа степеней свободы предмета исследования, а не частотой революций.

В психологии мы видим радикальные отличия от того, что обнаруживается в естественных науках. Там есть теории, относящиеся к прошлому: точно определено, что в таком-то подходе или концепции устарело, что учтено в последующих теориях, «снимающих» (в гегелевском смысле) предшествующие.

Хочется обратить внимание на то, что психология – это не единственная область человеческого знания, где наблюдается такая картина. В той же философии дело обстоит весьма сходным образом. Хорошо известно, что представление о современной философии дает история философии. Аналогично обстоит дело с искусством.

Не будем дальше продолжать поиск расхождений между *постулатами* философии науки и *реалиями* психологии. Констатируем, что философия

науки, вероятно, хорошо описывает процессы, происходящие в естествознании, но малопродуктивна по отношению к научной психологии.

В свете вышесказанного нас не будут удивлять высказывания методологов науки о том, что психологи странно ведут себя по отношению к понятиям философии науки. Проиллюстрировать это можно примером с использованием термина «парадигма». Красивое слово используется психологами в таком количестве различающихся значений и смыслов, что это полностью дискредитирует этот термин. Обратим внимание на то, что большая часть вариантов использования термина «парадигма» вообще *не связана* с его исходной трактовкой, данной в 1962 г. Томасом Куном.

В тех учебниках по методологическим основам психологии, куда включается материал по современной философии науки, он представляет собой, по большей части, дополнительную нагрузку на память студента и в лучшем случае обогащает его эрудицию, так как привести примеры из психологии авторам обычно не удается, поскольку отсутствует позитивный опыт применения этого аппарата в психологической науке.

Вряд ли стоит обвинять в сложившейся ситуации косность и леность мысли психологов – можно представить картину и так, что философия науки пока еще не поднялась до осознания и концептуализации положения дел в психологии. Положение в психологии – особое, она отличается существенно и от других социогуманитарных дисциплин. Не случайно мудрый Аристотель утверждал, что это наука о наиболее совершенном и возвышенном.

Однако в настоящее время мы являемся свидетелями того, что философия науки оказывает косвенное негативное влияние на положение в психологической науке. Некоторые положения философии науки, будучи распространяемы на науку «вообще», становятся мифами, препятствующими реализации позитивных тенденций. Отметим, что вред от мифов, основанных на вольно интерпретированных выводах из философии науки, заключается в следующем: представляется, что взаимопонимание между различными подходами и школами в принципе невозможно, а это реально препятствует осуществлению интеграционных процессов в психологической науке.

Приведем пример. В работах У. Куайна, Т. Куна, П. Фейерабенда сформулировано положение, которое получило название «несоизмеримости научных теорий». Согласно этому положению, сменяющие друг друга научные теории не-

сравнимы друг с другом ни в теоретическом плане, ни в эмпирическом, поскольку у них не существует общей фактуальной базы. Заметим, что это достаточно характерная черта некоторых философов – доводить положение до абсурда (см. скептицизм, солипсизм и т. д.). Здесь обратим внимание на то, что соответствующая проверка показывает: утверждения о применимости тезиса о «несоизмеримости научных теорий» в психологии не только не обоснованы, но и, скорее всего, не соответствуют реальности, с которой мы имеем дело в психологической науке [3]. Снова неоправданные обобщения. Поэтому в противоположность утверждениям философии науки может быть сформулирован тезис о «соизмеримости теорий в психологии», основанный на положениях коммуникативной методологии [3]. Утверждение о том, что у разных теорий не существует общей фактуальной базы, также нуждается в проверке и уточнении. В связи с недостаточной разработкой проблемы факта в психологии не учитываются особенности его детерминации. Есть основания полагать, что полномасштабный учет уровней структуры факта позволит по-новому интерпретировать сами факты, которые окажутся соотносимыми в куда большей степени, чем об этом думали ранее.

Таким образом, резюмируем. Философия науки в настоящее время не готова к осознанию того, что науки различаются между собой гораздо значительнее, чем принято считать в этой уважаемой дисциплине. При определении различий или сходства стоит учитывать фактор предмета науки. И если учесть многоаспектность и многоуровневость предмета наук о психике, стоит признать, что традиционные схемы представления науки применительно к психологии не вполне адекватны. Не случайно наблюдаются ростки того движения, согласно которому за неимением *философии психологии* (от философии науки) идет формирование *философии психологии как психологической теоретической дисциплины*. Ибо необходимость в таком знании есть, а производить его философы науки не желают [4, 5].

Итак, мы сталкиваемся с тем, что психология постоянно находится в поисках своего подлинного предмета. Стоит отметить, что психология чрезвычайно далека от финальности, от завершенности. В конце XIX столетия один известный английский физик, выступая перед студентами, выразил им свое сочувствие: «Величественное здание науки построено, на вашу долю не осталось больших дел – только мелкие доработки». Психоло-

логия, да и сама физика, как выяснилось чуть позднее, далеки от завершенности. Процесс развития идет полным ходом. Вспомним, что научная психология заявила о себе как самостоятельной науке во второй половине XIX столетия. Тогда изучались с помощью самонаблюдения и эксперимента лишь ощущения, восприятия и произвольные движения. Сама научная психология называлась физиологической и изучала лишь простейшие психологические феномены. Вся дальнейшая история психологии в XX столетии – это непрерывающиеся попытки углубить понимание предмета психологии и расширить границы научной психологии. История психологии – история поисков предмета психологии. Как справедливо заметил М. Г. Ярошевский, цитируя автора статьи в «Британской энциклопедии», «бедная, бедная психология. Сперва она утратила душу, затем психику, затем сознание и теперь испытывает тревогу по поводу поведения» [20, с. 5]. Вместе с тем все эти утраты можно рассматривать и как обретения, поскольку движение к более глубокому пониманию психического есть явный прогресс: вместе с каждой утратой очередного предмета становится ясно, что, конечно же, психическое есть только что «утраченное», но и, несомненно, нечто сверх того. Поэтому правомерен взгляд на историю психологии как на обретение наукой своего подлинного предмета. По-настоящему фундаментальной наукой психология станет, когда начнет рассматривать психику в ее полном объеме. Для этого придется отказаться от мешающих психологии чужих парадигм (Естественно-научной или гуманистической) и вспомнить о том, что психика – уникальный научный объект и предмет, к постижению которого вряд ли приложимы в полной мере способы познания, выработанные в других науках.

Уместно вспомнить, что про значимость психологии в структуре научного знания в целом говорилось неоднократно. Фридрих Эдуард Бенеке (1798–1854), немецкий психолог и философ, ныне практически забытый, утверждал, что вся философия должна основываться на эмпирической психологии. Близких взглядов придерживался и В. Вундт, полагавший, что психология имеет уникальный предмет – это единственная наука, изучающая непосредственный опыт субъекта, поэтому именно она должна лежать в основе научного знания. Такого рода позиция получила название «психологизм». Психологизм в конце XIX столетия был подвергнут резкой критике со стороны, в частности, таких выдающихся представителей

психологической науки, как Уильям Джемс, Гуго Мюнстерберг, Вильям Штерн. С тех пор многое изменилось: психология выделилась в самостоятельную науку, в значительной степени стала «положительной». Классификации наук в двадцатом столетии составлялись неоднократно. При этом почти все авторы недвусмысленно указывали на особое, центральное положение психологии среди других наук. Многие известные психологи и на новом этапе высказывали мысли о том, что психология в будущем займет ведущее место в структуре человеческого знания, что психология должна явиться основой для наук о духе. Одной из наиболее популярных явилась классификация наук, разработанная отечественным философом и науковедом Б. М. Кедровым (1903–1985). Согласно Кедрову, классификация наук имеет нелинейный характер. Кедров выделяет три группы научных дисциплин: естественные, социальные и философские. Схематически это можно представить в виде треугольника, вершины которого соответствуют естественным (верхняя), социальным (левая) и философским (правая) дисциплинам.

Психология имеет тесные связи со всеми тремя группами наук, поэтому располагается внутри треугольника. Расположение психологии внутри треугольника не симметрично по отношению к его вершинам, а смещено в сторону философских наук, так как человеческое мышление (один из существенных разделов психологии) изучается не только психологией, но и философией и логикой. Психология, таким образом, имеет связи со всеми группами научных дисциплин, причем наиболее тесные с философией.

Несколько по-иному подошел к вопросу об определении места психологии в системе наук выдающийся швейцарский психолог Жан Пиаже (1896–1980). Традиционно вопрос о связи психологии с другими науками рассматривали в аспекте того, что психология может получить от других наук. Такая постановка вопроса была логичной, поскольку психология – одна из самых молодых наук («математика существует уже 25 веков, а психология едва один век!» [7, с. 128]). В докладе на XVIII Международном психологическом конгрессе (1966 г., Москва) Пиаже поставил вопрос в ином «направлении»: что может дать психология другим наукам?

Ответ Пиаже знаменателен: «Психология занимает центральное место не только как продукт всех других наук, но и как возможный источник объяснения их формирования и развития». Пиаже отмечает, что испытывает чувство гордости по

поводу того, что психология занимает ключевую позицию в системе наук. «С одной стороны, психология зависит от всех других наук и видит в психологической жизни результат психохимических, биологических, социальных, лингвистических, экономических и других факторов, которые изучаются всеми науками, занимающимися объектами внешнего мира. Но, с другой стороны, ни одна из этих наук не возможна без логико-математической координации, которая выражает структуру реальности, но овладение которой возможно только через воздействие организма на объекты, и только психология позволяет изучить эту деятельность в ее развитии» [17, с. 152]. Плодотворное будущее психологии он видит в разрывании междисциплинарных связей.

Как известно, и классификация Пиаже и классификация Кедрова подвергались критике, причем критике подвергались в первую очередь основания классификации и последовательность в их реализации. Обратим внимание на глубокий и пронзительный вывод выдающегося швейцарского психолога: «Несколько лет назад, во время одной дружеской беседы в Академии наук в Москве, Кедров сделал глубокое замечание, над которым я очень много размышлял: “У вас есть тенденция психологизировать эпистемологию, тогда как мы склонны, наоборот, эпистемологизировать психологию”. Он был прав, подчеркивая эту двойственность тенденций, но я все более и более убеждаюсь в том, что как одна, так и другая тенденция имеют законные основания для существования, и они даже необходимо дополняют друг друга» [17, с. 154].

Мысль о том, что психология занимает ключевое место среди других наук, Ж. Пиаже сохранил до конца своих дней. В одной из последних своих публикаций он отмечает, что отношения психологии с другими дисциплинами складываются в зависимости от специфики самих этих дисциплин: «Психология занимает ключевое место в семействе наук, что заключается в том, что она зависит от каждой из этих наук, и, в свою очередь, объясняет их особыми способами» [21, с. 1].

Процесс становления психологии фундаментальной наукой только начинается. Он потребует значительного времени. Напомним, и условий: как говорил Леви-Строс, двадцать первый век будет веком гуманитарных наук, или его не будет. Можно полагать, что если он будет, то будет в первую очередь веком психологии.

Пока делаются первые начальные шаги в этом направлении.

Главное – это то, с чего необходимо начинать. Это, несомненно, пересмотр самого понятия «предмет психологии».

Как было ранее показано, конструкт «предмет науки» должен выполнять некоторые функции. Теоретический анализ предмета, на наш взгляд, предполагает в первую очередь выявление *функций*, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные *характеристики*.

Представляется, что речь может идти о следующих функциях.

1. *Конституирование* науки. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других.

2. Обеспечение работы «*машины предмета*». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет *внутрипредметных* соотношений и исследовательских процедур производить рост предметного знания.

3. Обеспечение функции предметного «*операционального стола*» (М. Фуко), который позволял бы реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах.

4. *Дидактическая* функция, связанная с построением содержания учебных предметов.

Назовем лишь основные характеристики предмета:

1. Предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), то есть он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус).

2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внешнеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического.

3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой

психологии логике *естественного* или *герменевтического* знания.

Понимание психического исключительно как свойства материи делает невозможным изучение психического как реальности, объективно существующей. «Замыкание» психического на физиологию (имеются в виду попытки, совершаемые с упорством, достойным лучшего применения) лишает психического самодвижения, энергетических характеристик. Поэтому становится абсолютной неизбежностью обнаружение «причин» в биологии, в социуме, в логике. В результате получается, что психическое лишается собственных законов: на психическое переносятся либо механические (химические, термодинамические, синергетические и пр.), либо герменевтические закономерности. Но главное, все же, в том, что психологическое при таком подходе неизбежно сводится к непсихологическому. Между тем известное требование Эдуарда Шпрангера («*psychologica-psychological*») по-прежнему актуально для психологии. Не стоит и говорить о том, что пока психическое понимается как отражение, не существует реальной возможности соотнесения исследований, в которых изучается, скажем, реагирование на тот или иной сигнал, и, к примеру, трансперсональные феномены, хотя они, несомненно, относятся к различным проблемным полям одной науки – психологии.

В решении проблемы предмета можно выделить два аспекта, а точнее, два этапа ее решения. Первый этап – формальное описание предмета (какие функции он должен выполнять, каким критериям соответствовать). Эта работа к настоящему времени завершена [7–11, 12–16]. Второй этап – содержательное наполнение концепта «предмет психологии». В этом направлении работа в настоящее время завершается [6, 5, 15]. Представляется, что наиболее удачным является термин «внутренний мир человека» или «мир внутренней жизни человека». Именно он позволяет, на наш взгляд, осуществить содержательное наполнение предмета, вместили всю психическую реальность в полном объеме. В частности, в настоящее время издан учебник для будущих психологов [18]. При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. В этом учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что внутренний мир отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оператив-

ностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. Внутренний мир как субстанциональная сущность характеризуется устойчивостью, выступает как пребывающая сущность и ее проявления, как сущее, причина которого в нем самом, существующее как причина самого себя. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются проблемы, которые решает психология.

В заключение кратко остановимся на том, каковы ближайшие перспективы подхода, при котором конструктивно определен предмет общей психологии:

1. В значительной степени преодолевается двойной функционализм, при котором психические процессы рассматриваются как изолированные друг от друга; в свою очередь, процессы рассматриваются обособленно от качеств личности. Как можно полагать, функционализм психологии, характерный для современной психологии, в значительной мере преодолевается: отдельные функции и личностные качества находят свое место и гармонично соотносятся в рамках внутреннего мира человека.

2. Известный советский психолог П. Я. Гальперин, как мы помним, видел истоки методологического кризиса психологии в том, что сама психология не смогла преодолеть дуализм: «Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм – признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно – *toto genere* – разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя» [2, с. 3]. П. Я. Гальперин полагал, что «с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе» [2, с. 3]. Диалектическому материализму, как сейчас понятно, тоже не удалось ре-

шить главные методологические вопросы психологии. Описываемый подход, при котором психические явления обретают надежную нейрологическую основу, как представляется, позитивен, поскольку в этом случае по крайней мере удастся избежать редуционизма и физиологизма.

3. Использование широкой трактовки предмета позволяет сформулировать обобщения, которые, насколько можно сейчас об этом судить, весьма надежной основой для психологической практики [6].

Библиографический список

1. Касавин, И. Т., Пружинин, Б. И. Философия науки [Текст] / И. Т. Касавин // Новая философская энциклопедия. – Т. 4. – М., 2010. – С. 218–220.
2. История психологии: период открытого кризиса: Тексты [Текст] / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. – М.: МГУ, 1992. – 364 с.
3. Мазиллов, В. А. Принцип соизмеримости теорий в психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». – 2013. – Том 19. – № 4. – С. 28–32.
4. Мазиллов, В. А. Философия психологии как психологическая дисциплина: страницы истории [Текст] / В. А. Мазиллов // Актуальные проблемы психологии развития личности: сб. научных статей / под ред. Л. М. Даушки, К. В. Карпинского. – Гродно: ГрГУ, 2014. – С. 212–217.
5. Мазиллов, В. А. О философии психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Философия и/или новое интегративное знание – 3: сборник материалов Всероссийской научной конференции; под ред. А. В. Азова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. – С. 136–158.
6. Мазиллов, В. А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы [Текст] / В. А. Мазиллов // Психологический журнал. – 2015. – Том 36. – № 3. – С. 87–96.
7. Мазиллов, В. А. Теория и метод в психологии [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль: МАПН, 1998. – 356 с.
8. Мазиллов, В. А. Актуальные методологические проблемы современной психологии [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль: МАПН, 2002. – 165 с.
9. Мазиллов, В. А. Методологические проблемы психологии: монография [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль: МАПН, 2006. – 252 с.
10. Мазиллов, В. А. Методологические вопросы психологии [Текст]: монография / В. А. Мазиллов. – Ярославль: МАПН, 2005. – 122 с.
11. Мазиллов, В. А. Психология на пороге XXI века: методологические проблемы [Текст]: монография / В. А. Мазиллов. – Ярославль: МАПН, 2001. 112 с.
12. Мазиллов, В. А. Методология психологической науки: к разработке концепции психологического факта [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология современ-

ной психологии: академический сборник научных статей. Вып. 5 / под ред. В. В. Козлова, А. В. Карпова, В. А. Мазилова, В. Ф. Петренко. – М.: МАПН, ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, 2015. – С. 95–113.

13. Мазиллов, В. А. О предмете психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии: Научный журнал. Т. 1. – Вып. 1. – 2006. – С. 55–72.
14. Мазиллов, В. А. Методология психологической науки: история и современность. [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология психологической науки: история и современность: монография. – Ярославль, 2007. – 359 с.
15. Мазиллов, В. А. Психология академическая и практическая: перспективы сосуществования [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология современной психологии: академический сборник научных статей. Вып. 4 / под ред. В. В. Козлова, А. В. Карпова, В. Ф. Петренко. – М.: МАПН, ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, 2014. – С. 130–154.
16. Мазиллов, В. А. Методология психологии. [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль: МАПН, 2007. – 344 с.
17. Пиаже, Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук [Текст] / Ж. Пиаже // XVIII Международный психологический конгресс. 4–11 августа 1966 года. – М., 1969. – 168 с.
18. Шадриков, В. Д., Мазиллов, В. А. Общая психология [Текст]: учебник для академического бакалавриата. / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов. – М.: Юрайт, 2015. – 411 с.
19. Юнг, К. Г. Аналитическая психология [Текст] / К. Г. Юнг. – СПб., 1994. – 136 с.
20. Ярошевский, М. Г. Наука о поведении. Русский путь [Текст] / М. Г. Ярошевский. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – 336 с.
21. Piaget J. Psychology and other sciences [Текст] / J. Piaget // Ann. Rev. Psychol., 1979. 30. – pp. 1–8.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kasavin, I. T., Pruzhinin, B. I. Filosofija nauki [Tekst] / I. T. Kasavin // Novaja filosofskaja jenciklopedija. – T. 4. – M., 2010. – S. 218–220.
2. Istorija psihologii: period otkrytogo krizisa: Teksty [Tekst] / pod red. P. Ja. Gal'perina, A. N. Zhdan. – M.: MGU, 1992. – 364 s.
3. Mazilov, V. A. Princip soizmerimosti teorij v psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. Serija «Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvnologija. Sociokinetika». – 2013. – Tom 19. – № 4. – S. 28–32.
4. Mazilov, V. A. Filosofija psihologii kak psihologicheskaja disciplina: stranicy istorii [Tekst] / V. A. Mazilov // Aktual'nye problemy psihologii razvitija lichnosti: sb. nauchnyh statej / pod red. L. M. Dauški, K. V. Karpinskogo. – Grodno: GrGU, 2014. – S. 212–217.
5. Mazilov, V. A. O filosofii psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Filosofija i/ ili novoe integrativnoe znanie – 3: sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj kon-

ferencii ; pod red. A. V. Azova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2013. – S. 136–158.

6. Mazilov, V. A. Psihologija akademicheskaja i prakticheskaja: Aktual'noe sosushhestvovanie i perspektivy [Tekst] / V. A. Mazilov // Psihologicheskij zhurnal. – 2015. – Tom 36. – № 3. – S. 87–96.

7. Mazilov, V. A. Teorija i metod v psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl' : MAPN, 1998. – 356 s.

8. Mazilov, V. A. Aktual'nye metodologicheskie problemy sovremennoj psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl' : MAPN, 2002. – 165 s.

9. Mazilov, V. A. Metodologicheskie problemy psihologii: monografija [Tekst] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl' : MAPN, 2006. – 252 s.

10. Mazilov, V. A. Metodologicheskie voprosy psihologii [Tekst] : monografija / V. A. Mazilov. – Jaroslavl' : MAPN, 2005. – 122 s.

11. Mazilov, V. A. Psihologija na poroge XXI veka: metodologicheskie problemy [Tekst] : monografija / V. A. Mazilov. – Jaroslavl' : MAPN, 2001. 112 s.

12. Mazilov, V. A. Metodologija psihologicheskogo nauki: k razrabotke koncepcii psihologicheskogo fakta [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija sovremennoj psihologii: akademicheskij sbornik nauchnyh statej. Vyp. 5 / pod red. V. V. Kozlova, A. V. Karpova, V. A. Mazilova, V. F. Petrenko. – M. : MAPN, JarGU, LKIISI RAN, 2015. – S. 95–113.

13. Mazilov, V. A. O predmete psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii: Nauchnyj zhurnal. T. 1. – Vyp. 1. – 2006. – S. 55–72.

14. Mazilov, V. A. Metodologija psihologicheskogo nauki: istorija i sovremennost'. [Tekst] / V. A. Mazilov //

Metodologija psihologicheskogo nauki: istorija i sovremennost' : monografija. – Jaroslavl', 2007. – 359 s.

15. Mazilov, V. A. Psihologija akademicheskaja i prakticheskaja: perspektivy sosushhestvovanija [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija sovremennoj psihologii: akademicheskij sbornik nauchnyh statej. Vyp. 4 / pod red. V. V. Kozlova, A. V. Karpova, V. F. Petrenko. – M. : MAPN, JarGU, LKIISI RAN, 2014. – S. 130–154.

16. Mazilov, V. A. Metodologija psihologii. [Tekst] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl' : MAPN, 2007. – 344 s.

17. Piazhe, Zh. Psihologija, mezhdisciplinarnye svjazi i sistema nauk [Tekst] / Zh. Piazhe // XVIII Mezhdunarodnyj psihologicheskij kongress. 4–11 avgusta 1966 goda. – M., 1969. – 168 s.

18. Shadrikov, V. D., Mazilov, V. A. Obshhaja psihologija [Tekst] : uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata. / V. D. Shadrikov, V. A. Mazilov. – M. : Jurajt, 2015. – 411 s.

19. Jung, K. G. Analiticheskaja psihologija [Tekst] / K. G. Jung. – SPb., 1994. – 136 s.

20. Jaroshevskij, M. G. Nauka o povedenii. Russkij put' [Tekst] / M. G. Jaroshevskij. – M. : Institut prakticheskogo psihologii ; Voronezh : MODJeK, 1996. – 336 s.

21. Piaget J. Psychology and other sciences [Tekst] / J. Piaget // Ann. Rev. Psychol., 1979. 30. – pp. 1–8.

¹ Подразделение на социогуманитарные, естественные, технические носит скорее «прикладной» характер, связанный с организацией обучения в аспирантуре: аспиранты по гуманитарным специальностям не очень понимают, почему они должны изучать столь далекий от их повседневных занятий материал.